

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

О.В. Морковина

Институт филологии СО РАН

О содержании древнерусских завещаний

В работах, посвященных изучению истории права, завещание рассматривается как изъявление воли человека относительно судьбы его имущественных отношений в случае смерти [Полежаев, 1858; Цитович, 1870; Беляев, 1897; Владимирский-Буданов, 1907; Сергеевич, 1910; Лаппо-Данилевский, 1920]. Основное содержание такого документа составляет передача полного права собственности или только права владения и пользования движимым и недвижимым имуществом, а также холопами [Полежаев, 1858, с. 35-36; Беляев, 1897, с. 35-36, 40-42].

Исследователи называют несколько характерных черт древнерусского завещания (духовной грамоты). Во-первых, по русскому праву нет необходимости в том, чтобы воля завещателя охватывала все имущественные отношения [Мейер, 1997, с. 412; Шершеневич, 1995, с. 479]. Во-вторых, она может касаться не только имущества, но и других предметов, например, различных вкладов в монастыри и церкви («по душе»), отпуска зависимых людей на волю [Руднев, 1894], распоряжений относительно уплаты долгов, назначения опекуна и душеприказчика [Беляев, 1897, с. 1-2; Мейер, 1997, с. 412; Шершеневич, 1995, с. 470, 479]. В-третьих, значительное количество документов представляет собой выдержки из завещаний, зачастую не отличающиеся по внешнему виду от полных духовных [Покровский, 1973, с. 74]. И, в-четвертых, некоторые завещания имеют содержание, которое выходит за рамки практических, бытовых функций: предсмертное исповедание веры в грамотах митрополитов Киприана 1406 г., Ионы 1461 г. [Лаппо-Данилевский, 1920, с. 12, 158; Терминологический словарь, 1922, с. VIII], «исповедание» и поучение детям в душевной грамоте Ивана IV [Веселовский, 1963, с. 314-320; Скрынников, 1965, с. 315-318; Григорьев, 1972, с. 211-212], прощание с царицей в духовной царя Алексея Михайловича [ПДП, 1889, с. 77].

В литературоведении жанр завещаний только начинает изучаться. Первоначальная его характеристика содержится в литературе, посвященной отдельным памятникам и частным вопросам.

Первая попытка рассмотреть жанр завещания с литературоведческой точки зрения принадлежит Ф. Лилиенфельд и связана с изучением жанровых особенностей сочинений Нила Сорского [Лилиенфельд, 1962, с. 80-98]. Исследовательница предлагает различать четыре разновидности завещаний: грамоты светских частных лиц (духовные грамоты Патрикеева, Пантелеймона Мисюря Соловцова, Андрея Ярлыка, служилых людей [АЮБ, № 82, 84, 86]), завещания царей (душевная грамота Ивана Грозного, «Почтение» Владимира Мономаха), духовные митрополитов (грамоты митрополитов Киприана, Фотия, Макария), завещания игуменов и основателей монастырей (грамоты Антония Римлянина, Кирилла

© О.В. Морковина, 2003

Белозерского, Иосифа Волоцкого). К сожалению, такое разделение завещаний на

группы не имеет обоснования. Характеристики грамот светских частных лиц Ф. Лиуенфельд не дает. Завещания царей и митрополитов исследовательница разделяет на две группы, но определяет не отличия, а сходство между ними: «Духовные грамоты царей и митрополитов отличаются от других тем, что они являются, так сказать, “политическими” духовными грамотами, в которых они передают потомкам и наследникам не только свою собственность, но также свои стремления, заботы и заветы» [Лиуенфельд, 1962, с. 95]. В статье представлено достаточно подробное описание только последней разновидности. В духовных грамотах игуменов и основателей монастырей завещатели доверяют обителю представителю светской или церковной власти, просят заботиться о соблюдении порядка в ней, в особенности о сохранении общежительного строя и правильном поставлении игумена, блюсти монастырские имения. За это завещатель благословляет покровителя обители и его семью и обещает молиться за их души.

Н.С. Демкова в работах, посвященных завещаниям, дает краткое описание памятников, отличающихся по своему содержанию от вышеназванных грамот. К ним относятся духовная грамота Евфимия Туркова, написанная как размышление о смерти и Страшном суде, о приуготовлении к переходу в иной мир [Демкова, 1999, с. 342-356], «Глас последний Алексея Михайловича», созданный Симеоном Полоцким как траурное литературно-драматическое действие, стихотворное прощание с книгами Стефана Яворского, духовная царя Алексея Михайловича, в которой разрабатываются темы смерти и любви [Демкова, 1983, с. 24].

Исследование жанровых особенностей завещаний было продолжено в работе Н.В. Поньрко. В статье, посвященной житию протопопы Аввакума, она вносит поправки в классификацию Ф. Лиуенфельд и дает более подробную характеристику разновидностей жанра [Поньрко, 1985, с. 379-387]. Описание грамот светских частных лиц (духовная новгородца Климента, завещания, относящиеся к Холмогорской епархии [АХУ]) напоминает краткую характеристику документа: это «завещания в собственном, так сказать “гражданском”, смысле слова. Их содержание исчерпывается традиционной формулой “кому мне что дати и на ком что взяти”, за которой следуют указания к распределению наследства» [Поньрко, 1985, с. 380]. Н.В. Поньрко расширяет группу «духовные грамоты митрополитов» за счет включения в нее духовных завещаний русских патриархов и церковных наставников старообрядчества и называет ее «духовные завещания церковных иерархов» (завещания патриархов Иова, Иоасафа, Иоакима, Адриана, митрополитов Питирима и Илариона). В содержании этих грамот исследовательница выделяет два традиционных элемента: духовные начинаются с исповедания веры и заканчиваются просьбой завещателя «о прощении собственных согрешений с одновременным разрешением и прощением грехов своей паствы (от царя и царской семьи до духовенства и всех прочих людей)» [Поньрко, 1985, с. 381]. Наряду с этим, завещания церковных иерархов в разной степени содержат элементы автобиографического повествования: упоминание краткого послужного списка (прощальная грамота патриарха Иова), указание места рождения (завещание патриарха Адриана), сведения о родителях (грамоты патриархов Иоакима и Адриана) и др. В характеристике грамот царей и игуменов указывается только то, что они имеют сходные черты и с завещаниями частных светских лиц, и с духовными церковных иерархов [Поньрко, 1985, с. 380].

Изучение духовных грамот церковных иерархов было дополнено работами Н.С. Гурьяновой, посвященными особенностям старообрядческих завещаний XVIII в., составленных в Выговском общежительстве [Гурьянова, 1992а, с. 136-145; Гурьянова, 1992б, с. 96-102]. На примере грамот выговских большеakov П. Прокопьева, Д. Викулова и выговского историка И. Филиппова исследовательница показывает черты, характерные для сочинений подобного рода. По наблюдениям Н.С. Гурьяновой, завещания очень близки друг другу по тематике и сближа-

ются в этом с грамотами церковных иерархов, которые названы в статье Н.В. Понырко: для них характерны темы смерти и Страшного суда, раскаяния в совершенных грехах и страха перед Божьим судом [Гурьянова, 1992б, с. 97-100]. Обязательной чертой завещаний Выгорецкой пустыни является автобиографичность. Автобиография пропущена только в завещании Петра Прокопьева, – первого епископа Выговского общежития [Гурьянова, 1992а, с. 138]. В дальнейшем автобиографичность становится главной особенностью данных грамот: «В духовных завещаниях выговских большевиков мы находим не только характерные для такого рода памятников элементы автобиографического повествования, но и признание, а иногда и подробный рассказ о конкретном, совершенном автором преступлении» [Гурьянова, 1992б, с. 98].

Таким образом, проведенные исследования свидетельствуют о разнообразии содержания древнерусских завещаний и схожих с ними старообрядческих грамот XVIII века. В связи с расширением источниковедческой базы возникает необходимость в новом осмыслении и обобщении собранного материала. В данной статье мы хотели бы предложить ряд уточнений и дополнений относительно проблемы жанровой традиции завещаний.

Определение разновидностей духовных грамот по некоторым компонентам содержания не всегда возможно. Так, например, наказ о передаче церковного дома под покровительство князя и благословление его семьи, характерные, по наблюдениям исследовательниц, для грамот игуменов и основателей монастырей, включаются также в большинство завещаний церковных иерархов, где представлены в более детализированном виде (ср. грамоты Кирилла Белозерского [АИ, № 32] и Иосифа Волоцкого [АИ, № 288] с завещанием митрополита Фотия [ПСРЛ, 1913, с. 485-488], прощальной грамотой патриарха Иова [ДРВ, с. 116-118, 120-124]), духовной грамотой митрополита Питирима [ПСРЛ, 1841, с. 195-196], заветным писанием митрополита Илариона [Рязанская епархия, 1820, с. 143-144, 146-148].

Среди завещаний наиболее распространены частные грамоты светских и духовных лиц, составленные с деловыми целями. Они представляют собой документы и являются предметом изучения дипломатики. Содержание таких завещаний, как правило, излагается с помощью традиционных специфических формул и трафаретных оборотов речи, а к важнейшим характеристикам стиля относятся краткость, лаконичность, смысловая насыщенность и отсутствие эмоциональности. Наряду с имущественными вопросами в их содержание могут входить назначение душеприказчика, распоряжения о погребении и поминании, отпуск людей на свободу, назначение опекуна и указы ему об устройстве судьбы близких родственников. К названной разновидности относятся следующие завещания:

АЮБ, № 82, 84/1, 84/2, 85, 86/2, 86/3, 86/4;

АХУ, № 50, 98, 100, 117, 124;

ГВНП, № 103, 105, 110, 111, 120, 126, 129, 144, 155, 169, 170, 210, 217, 226, 230, 234, 239, 244, 250, 256, 257, 258, 259, 263, 265, 271, 295, 320, 328, 344;

АСЭИ. Т. 1, № 11, 38, 108, 228, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 472, 486, 499, 501, 562, 612; АСЭИ. Т. 2, № 87, 105, 168, 357, 361, 474; АСЭИ. Т. 3, № 67, 67а, 68, 252, 254, 292, 473, 484, 494;

АФЗХ. Ч. 2, № 15, 40, 91, 97, 127, 157, 172, 176, 183, 191, 204, 207, 225, 228, 229, 236, 248, 253, 265, 274, 275, 276, 282, 299, 330, 331, 332, 352, 356, 370, 371, 377, 393, 429; АФЗХ. Ч. 4, № 37, 195;

АСМ. Ч. 1, № 253, 266, 349, 361, 365, 367, 374, 424; АСМ. Ч. 2, № 435, 506, 543, 608, 645, 774, 808;

АММС, № 40, 41, 43, 47, 78, 124, 136;

АСЗ, № 21, 29, 42, 43, 211, 284, 286, 309.

Данной характеристике соответствует также большинство духовных грамот

великих и удельных князей (ДДГ, № 1а, 1б, 3, 4а, 4б, 8, 12, 17, 20, 21, 22, 28, 29, 57, 61а, 61б, 68, 71, 74, 80а, 80б, 80в, 86, 87, 88, 89, 98, 99), но, по сути, они являются политическими актами¹. Кроме вышеназванных компонентов, некоторые княжеские грамоты содержат сведения о судебно-правовых отношениях (ДДГ, № 3, 17, 20, 21, 22, 61а, 89).

Исследование памятников древнерусской письменности показывает, что в роли завещаний могут функционировать тексты других жанров. В соответствии с этим выделяются несколько видов грамот, представленных одним или несколькими памятниками. В последнем случае можно говорить о появлении более или менее устойчивых связей жанров.

Завещательный характер имеет Устав князя Владимира, являющийся законодательным актом. На это указывают использование специфической терминологии в его названии («рукописание» в тексте Археографического извода, «завет» в тексте Архивного извода) и предисловие к данному памятнику в составе Летописца русских царей: «И рече Володимир, наречены в святем крещении Василии: „Се аз, царице, отхожу мира сего суетнаго, аще еще сколко Бог помятит в житии сем, пичю с грецкого закона суды и оправдания; Бог да мстит тому, кто превратит, или от дитии моих, или от сродник, и в последня дни клятва и неблагословение Nikeйского събора“...» [Уставы, 1976, с. 17, 20].

Новгородская Духовная Андрея (конец XIV – начало XV в.) по содержанию – купчая: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Се яз, раб Божии Андреи, отходя сего света, пишу рукописание се при своем животе, где мне что дати и взяти. Продал есми треть земли, свои участок, свою отчину, цим владел есми – орами земли и пожни на Лугогине острови – святому Михаилу одерень. А взял есмь пять сороков белки у святаго Михаила, у старосты у Василия Михайловского. А на то Бог послух и отец мои душевнии поп Степан святаго Кузмы и Демияна. А хто се рукописание мое преступит, сужуся с ним пред Богом» [ГВНП, № 126].

Как завещание оформлена и утверждена Духовная крестьянина Михаила Назарова (1693), представляющая собой дело о разбойном нападении: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь; се аз, раб Бжи Суздальского Покровского двча мнстря вотчины села Ярлыкова дрвни Петровского крстьянин Михаило Назаров, отходя сего свету, пишу я себе изусную духовную памет в целе уме и в разуме... и он, Кузма, сустиг нас... с товарищем своим... а называл он, Кузма, товарища своего Гришкою; а чеи тот Гришка того я не ведаю; и учили нас они бит и грабит... и товарищу своему он, Кузма Гришьке, велел ножом резат; и с товарища моего, Михаила Лукоянова, сняли они денег... и ограбя нас и убивъши, покинули нас замертво... а я, Михаило, от их же, Кузмина и товарища его Гришки, бою лежи при смерти; а у духовные были того ж села, Ярлыкова, отец мои духовной... а духовную писал по ево, Михаила Назарова, веленю и третейских людей того ж села, Ярлыкова, земских дел дьячек...» [ПДПВК, 1984, № 255].

Духовные грамоты Кирилла Белозерского (1427) и Иосифа Волоцкого (1507) являются посланиями и по функции приближаются к грамотам, направляемым с прошением об отставке государю.

Можно выделить группу памятников, которые в той или иной мере объединяют черты завещания и монастырского устава. Помимо уже известных грамот Ефросина Псковского (прежде 1479), Иннокентия Комельского (ум. в 1491 г.), Герасима Болдинского (прежде 1554) и подобных им памятников, сохранившихся в переработанном виде в житиях Геннадия Костромского, Феодосия Тотемского и в Записке Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского², к ним

1 О политических завещаниях см.: [Черепнин, 1948; 1951; Покровский, 1973, с. 81, 83].

2 К вопросу о связях жанров завещания и монастырского устава см.: [Лиленфельд, 1962, с. 80-98; Крушельницкая, 1996, с. 71-73].

относится духовная грамота первой игуменьи Новодевичьего монастыря Елены Девочкиной 1547 г. [АММС, № 126], в содержание которой входят уставные наставления о монастырском житии, автобиография, наказ – просьба молиться о рождении царского наследника.

Начальный протокол, характерный для завещания, имеют Духовная Дионисия Глушицкого, основателя и игумена монастыря (перед 1436) и Роспись келейной рухляди вологодского архиепископа Симона (1681), представляющие собой описи церковного имущества: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Се яз, раб Божия Денисеи, игумен, пишу грамоту душевную своим целым умом» [АСЭИ, Т. 3, № 252]; «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аз, грубый и многогрешный Симон, благодати ради Божия архиепископ Вологодцкий, написах своею рукою для отшествия от сея маловременная жизни к Богу, смертнаго ради часа своего внезапнаго, келейного своего борошню роспись» [ЛЗАК, 1865, с. 12-16]. Отличительной чертой данных грамот от обычных «описей» является наличие в них распоряжения адресанта о собственном имуществе или его личной просьбы. Например, Роспись архиепископа Симона включает наказ о поминании: «Вкладные мои по тем монастырем розослать, а им бы нас в помин написать и поминать» [ЛЗАК, 1865, с. 16].

При работе с духовными грамотами важно учитывать два направления в развитии жанра. Первое связано с историей деловой письменности, второе – с чисто литературной традицией.

Некоторые компоненты завещаний, изначально имевшие деловое предназначение, приобретали, согласно авторскому замыслу, новые функции. Особенное внимание в связи с этим нужно уделить следующему содержанию духовных грамот и связанных с ними фрагментов произведений других жанров.

1. Распоряжение о погребении – АФЗХ. Ч. 2, № 97, 204, 207, 248, 253, 274, 275, 282, 299, 331, 332, 352, 393; АФЗХ. Ч. 4, № 195; АСЗ, № 21, 42, 43, 284, 286, 309; АММС, № 78; грамота Нила Сорского [ПДП, 1912, с. 10], завещания княгини Ольги в житии [ПСРЛ, 1908, с. 23-24] и митрополита Константина [ПСРЛ, 1965б, с. 68; ПСРЛ, 1908, с. 244; ПСРЛ, 2000, с. 24], духовная грамота митрополита Питирима [ПСРЛ, 1841, с. 196], духовное писание патриарха Иоакима [Иоаким, 1879, с. 109-111], завещание царя Алексея Михайловича [ПДП, 1889, с. 78];

2. Наказ о поминании – АФЗХ. Ч. 2, № 40, 91, 97, 127, 157, 176, 183, 191, 204, 207, 225, 236, 248, 253, 265, 274, 275, 276, 282, 299, 330, 331, 332, 352, 356, 370, 371, 377, 393, 429; АФЗХ. Ч. 4, № 37, 195; АСЗ, № 21, 42, 43, 284, 286, 309; АСМ. Ч. 1, № 349, 365, 367, 374, 424; АСМ. Ч. 2, 435, 506, 543, 608, 645, 774, 808; ГВНП, № 110, 120, 169, 170, 217, 256, 257, 258, 259, 295, 344; АСЭИ. Т. 1, № 11, 38, 108, 251, 253, 394, 450, 456, 457, 499; АСЭИ. Т. 2, № 87, 105, 361, 474; АСЭИ. Т. 3, № 68, 148, 254, 292, 484, 494; ДДГ, № 16, 3, 4а, б, 17, 20, 28, 57, 68, 74, 80а, б, 87, 88, 98, 99; АММС, № 40, 47, 78, 136; завещания княгини Ольги [ПСРЛ, 1908, с. 24], Нила Сорского [ПДП, 1912, с. 10] душевная грамота Ивана Грозного [ДДГ, с. 432-433], духовное писание патриарха Иоакима [Иоаким, 1879, с. 111-113], завещание Петра Прокопьева [Гурьянова, 1992а, с. 141-145];

3. Наказ, поучение о согласии между наследниками – АФЗХ. Ч. 2, № 331; АСЗ, № 43; ДДГ, № 3, 12 (два наказа), 17, 29, 61а (два наказа), 89 (два наказа); завещания Ярослава Мудрого [ПСРЛ, 1997, с. 161], княгини Марии [ПСРЛ, 1908, с. 227-228], «Завет и наказание» князя Константина Всеволодовича Ростовского [ПСРЛ, 1908, с. 257] и «Завет» великого князя Дмитрия Ивановича в составе Степенной книги [ПСРЛ, 1913, с. 402]) душевная грамота Ивана Грозного [ДДГ, с. 427, 428-429, 432, 433, 444].

Специфическим содержанием завещаний являются наказания о погребении, которые встречаются в деловой и литературной форме. В документах эти распоряжения связаны с соблюдением христианского обряда. Большинство из них огра-

ничиваются указанием места погребения: «А Бог по душу сошлет, ини меня положили в Осифовой пустыни» [АФЗХ, ч. 2, № 97]; «А положить грешное мое тело у живоначальный Троицы в Сергеев монастыре» [АФЗХ, ч. 2, № 352]. В некоторых завещаниях определяется денежная сумма, которую следует использовать на погребение, и ее конкретное предназначение: «Да и корм по нас кормити на мое преставление, как Бог по мою грешную душу сошлет. <...> Да священником и дьяконом дати по мне на погребение и на поминки по гривне...» [АФЗХ, ч. 2, № 393]; «Бог пошлет по грешную мою душу, и тело мое положить в монастыре Ивана Златауста. А архиепископу или владыке, которой на отпеванье будет, дати полтора рубли, а протопопом и игуменом по полуполтине, ризничему владычню две гривны, попом по гривне, дьяконом по два алтына, а диячком и пономарем по алтыну, певчим дьяком станице по пяти алтын. Да на погребанье же дати златоускому игумену...» [АСЗ, № 21]. Часть грамот касается церемонии похорон: «А многогрешное мое тело положат приказшики мои живоначальные Троицы в Сергеев монастыре, подле брата моего князя Юрья Андреевича. <...> А как учнут у Троицы в Сергеев монастыре многогрешное тело мое хоронити, – и приказшики мои дадут по мне на погребение игумену, и попом, и дьяконом рубль денег; а на понахиду дадут к Троице полтину денег; а к Духу Святому и Сергию святому на ворота, да к Никону святому, да на Подол к Ведению Пречистой, да к Пятнице святой на понахиды ж по полу полтине к церкви; а нищим тогда роздадут на погребении моем рубль денег. И на корм дадут по мне на похоронех игумену з братью...» [АФЗХ, ч. 2, № 207]; «... а меня бы отвезли и положили у живоначальной Троицы в Сергеев монастыре. <...> А как будет приставленье мое, – и они бы дали в тот день на сорок церквей меня поминать и с кутьею; а не будет сорока церквей, – и они бы исполнили по иным днем. Да и погребально пели, доколе и отвезут» [АФЗХ, ч. 2, № 331]; «Положил бы государь мой тело мое гришное у Покрова святити Богородици и у чудотворца Николы в Теревенех. <...> Да которого дни Бог пошлет по душу по мою, и приказшику того дни велети служити сорок понахид по церквам. А на завтрея велети служити сорок обиден...» [АФЗХ, ч. 2, № 332].

В литературной форме наказ о погребении претерпевает существенные изменения. Он имеет аналогию с известными фрагментами произведений житийного жанра, повествующими о том, как святой перед смертью выражает желание о более простом погребении, чем положено, и призванными подчеркнуть смиренность героя. Наряду с названной М.А. Федотовой грамотой Нила Сорского [Федотова, 2001, с. 550-551], подобный наказ содержат завещание Киевского митрополита Константина (Владимирский летописец (здесь Константин ошибочно назван архиепископом), Типографская летопись, Степенная книга) и духовное писание патриарха Иоакима: «И по умертвии моем не погребите тела моего; оцепив ужем за нозе, извлекше из града и поверзите псом на расхыщение» [ПСРЛ, 1965б, с. 68]; «...положити же мене во гроб крепце, во одеянии монашеском и обязати тело мое грешное по чину монахов, яко же вси святаи патриархи греческие Константинопольские, Александрийския, Антиохийския, Иерусалимския, полагаются архиерейскими же одеждами отнюд не облачати, ибо и зде видим святых архиереев тако древле облеченых телеса, яко Алексея, святаго митрополита, и чудотворению дара сподобившагося, мощи святаго его имут простое одеяние монашеское; дабы и мне в то со святаи патриархи не разнитися да поне тем по обещанию моему, хотя мала отрада души моей сотворится...» [Иоаким, 1879, с. 110-111].

В развитии жанра завещаний исключительное значение имеет такое характерное для древнерусской литературы явление, как следование литературным образцам. Автор использует духовные грамоты авторитетных предшественников не только как образец для составления своего завещания, но и в качестве источников. Практика показывает, что для определения идейного, художественного и

жанрового своеобразия, источников произведения требуется построчный сопоставительный анализ текстов, подобный текстологическому анализу списков памятника древнерусской литературы. Наиболее актуально это для изучения такого сложного содержания, как благословение и прощение, часто значительного по объему и состоящего из однотипных повторяющихся конструкций с едва уловимыми изменениями.

В некоторых случаях заимствованный текст составляет большую долю завещания по сравнению с оригинальным. Так, например, Н.С. Гурьянова заметила, что в завещании И. Филиппова – огромная, совпадающая почти дословно, вставка из грамоты Петра Прокопьева: «Вставка помещена на 14 л. рукописи, в то время как все предыдущее повествование занимает 7 листов» [Гурьянова, 1992б, с. 101].

С помощью сравнительного анализа удалось установить между памятниками следующие связи. Источником духовной грамоты Кирилла Белозерского 1427 г. [Преподобные, 1993, 184-187] было завещание митрополита Киприана 1406 г. в составе Никоновской летописи [ПСРЛ, 1965а, с. 195-197]. Духовная грамота Иосифа Волоцкого 1507 г. была написана на основе житийной редакции грамоты Кирилла Белозерского [Преподобные, 1993, с. 126-129]¹. Из прощальной грамоты патриарха Иова 1597 г. [ДРВ, с. 107-125] огромные по объему части текста, вплоть до дословного их повторения, переносятся в завещание патриарха Иоасафа 1672 г. [ДРВ, с. 337-352]. Основу заветного писания митрополита Илариона [Рязанская епархия, 1820, с. 136-150] составляет духовная грамота патриарха Питирима [ПСРЛ, 1841, с. 193-196], которую он написал, будучи митрополитом.

Вопрос о принадлежности некоторых памятников к жанру завещаний представляется спорным. Довольно часто, начиная с первой же публикации памятника [Духовная, 1793], с ним связывается «Поучение» Владимира Мономаха. В некоторых исследованиях, посвященных этому произведению, «завещание» считается даже синонимом «поучения» [Протопопов, 1874, с. 231-292; Бицилли, 1996, с. 314-322; Пиккио, 2002, с. 60-61] и, таким образом, полностью стирается граница между двумя жанрами. Ф. Лиленфельд говорит о Поучении Владимира Мономаха как разновидности завещательного жанра. Этой же точки зрения придерживается В.В. Кусков: «По-видимому, это произведение рассматривалось летописцами как предсмертное завещание князя, аналогичное завещанию Ярослава Мудрого (1054 г.). “Поучение” Владимира Мономаха, написанное им “сядя на санех”, т. е. незадолго до смерти, где-то около 1117 г., было отнесено летописцами к подобным завещаниям, адресованным детям» [Кусков, 1982, с. 71]². Необходимо отметить, что такие утверждения, как правило, не имеют обоснований. В противовес названной версии можно привести три аргумента:

1. Предпосылкой восприятия памятника как завещания является толкование словосочетания «сядя на санех» вне контекста Поучения. Сообщение о старости и приближающейся смерти является не мотивацией написания Поучения, а причиной выражения автором благодарности Богу: «...колико бо сблюд по милости своеи и по отни молитве от всех бед сядя на санех помыслих в души своеи и похвалях Бога, иже мя сих дней грешнаго допровади...» [ПСРЛ, 1997, с. 241]. Мотивацией написания «грамотицы» становится раздор между братьями-князьями: «...усретоша бо мя слы от брата моего... реша: “Потьснися к нам, да выженем Ростиславича, и волость их отимем; иже ли не поидеши с нами, то мы себе будем, а ты себе”; и рех: “Аще вы ся и гневаете, не могу вы я ити, ни креста переступити и, отрядив... написах...”» [ПСРЛ, 1997, с. 241].

2. В отличие от обязательного исполнения завещательных распоряжений наследниками и другими лицами, в Поучении Владимира Мономаха читателю

1 Подробнее: [Морковина, 2003, с. 17-24].

2 О близости Поучения с завещанием Ярослава см. также: [Комарович, 1941, с. 289-290].

предоставляется право выбора: «...аще вы последняя не люба, а передняя приимайте...», «...аще не всего приимете, то половину...» [ПСРЛ, 1997, с. 241, 245].

3. Как пишет Т.Н. Копреева, учитывая особое отношение к завещанию, невозможно объяснить опасение автора иронической реакции читателей: «...да дети мои или ин кто, слышав сю грамотицу, не посмеитесь...» [Копреева, 1972, с. 101].

На основании этих замечаний можно сказать, что сходство Поучения Владимира Мономаха с древнерусскими завещаниями¹ скорее не жанровое, а тематическое.

В предшествующих исследованиях как самостоятельные произведения, относящиеся к жанру завещаний, рассматривались грамоты Лазаря Муромского, митрополитов Киприана, Фотия, Макария, Питирима. Данные произведения известны по сборникам XVIII-XIX в., а также по изданиям агиографических произведений и летописей, составной частью которых они являются. Это заставляет поставить вопросы о происхождении названных грамот, различении их редакций, о взаимоотношениях жанра и вставной литературной формы завещания в памятниках других жанров.

Сочетание вышеназванных направлений – изучение происхождения литературного содержания завещаний из деловых компонентов посредством их трансформации и исследование текстологических связей между памятниками – с учетом отношений между самостоятельными произведениями и вставной литературной формой дает более целостную картину развития жанра.

Литература

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1.
- АММС – Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов, XV – начало XVII вв. М., 1998.
- АСЗ – Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века. М., 1998. Т. 2.
- АСМ – Акты социально-экономической истории Севера России конца XV-XVI в. Л., 1988. Ч. 1; Л., 1990. Ч. 2.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1952. Т. 1; М., 1958. Т. 2; М., 1964. Т. 3.
- АФЗХ – Акты феодального землевладения и хозяйства. М., 1956. Ч. 2; Л., 1983. Ч. 4.
- АХУ – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. СПб., 1908. Ч. 2.
- АЮБ – Акты, относящиеся до юридического быта древней России. СПб., 1857. Т. 1.
- Беляев П.И. Анализ некоторых пунктов древнерусского завещания. М., 1897.
- Бицилли П. Пушкин и Николай I // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 3. С. 314–322.
- Веселовский С.Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907.
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949.
- Григорьев Г.Л. Завещание Ивана Грозного // Вопросы истории. 1972. № 4. С. 210-214.
- Гурьянова Н.С. Духовное завещание Петра Прокопьева // Исследования по истории литературы и общественного сознания феодальной России. Новосибирск, 1992а. С. 136-145.
- Гурьянова Н.С. Духовные завещания выговских большаков // Традиционная

---

¹ О возможной связи Поучения с библейскими заветами: [Порфирьев, 1891].

духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. Новосибирск, 1992б. С. 96-102.

ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV – начала XVI вв. М.; Л., 1949.

Демкова Н.С. Жанр «духовных грамот» и развитие автобиографического повествования в литературе «переходного периода» (вторая половина XVII – начало XVIII вв.) // Проблемы литературных жанров. Томск, 1983. С. 23-24.

Демкова Н.С. Духовная грамота волоколамского книжника XVI в. Евфимия Туркова // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). СПб., 1999. Т. 51. С. 342-356.

ДРВ – Древняя российская вивлиофика. М., 1788. Ч. 6.

Духовная – Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, называемая в Летописи суздальской «Поучение». СПб., 1793.

Иоаким – Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима. СПб., 1879.

Комарович В.Л. Поучение Владимира Мономаха // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 289-297.

Копреева Т.Н. К вопросу о жанровой природе «Поучения» Владимира Мономаха // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 94-108.

Крушельницкая Е. В. Автобиография и житие в древнерусской литературе. СПб., 1996.

Кусков В.В. История древнерусской литературы. М., 1982.

Лаппо-Данилевский А.С. Очерк русской дипломатики частных актов. Пг., 1920.

ЛЗАК – Роспись келейной рухляди вологодского архиепископа Симона // Летопись занятий Археографической комиссии за 1864 г. СПб., 1865. Вып. 3. Отд. II. С. 12-16.

Лиленфельд Ф. О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 80–98.

Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 1997. Ч. 2.

Морковина О.В. К вопросу о взаимоотношении древнерусской литературы и деловой письменности. Жанр завещания // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI-XX вв. Новосибирск, 2003. С. 3-31.

ПДПВК – Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

ПДП – Памятники древней письменности. СПб., 1889. Вып. 80; Памятники древней письменности. СПб., 1912. Вып. 179.

Пиккио Р. История древнерусской литературы. М., 2002.

Покровский Н.Н. Актовые источники по истории черносошного землевладения в России XIV – начала XVI в. Новосибирск, 1973.

Полежаев П.В. О завещаниях // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1858. Кн. 1. С. 21-104.

Поньрко Н.В. Житие протопopa Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379-387.

Порфирьев И. История русской словесности. Казань, 1891. Ч. 1.

Преподобные – Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские. СПб., 1993.

Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-нравственных воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1874, февраль. Ч. 171. С. 231–292.

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 3 (Роспись, или

Краткий летописец новгородских владык); Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1; 1913. Т. 21, ч. 2 (Книга Степенная царского родословия); Полное собрание русских летописей. М., 1965а. Т. 11-12 (Никоновская летопись); Полное собрание русских летописей. М., 1965б. Т. 13 (Владимирский летописец); Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1 (Лаврентьевская летопись); Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. 24 (Типографская летопись).

Руднев Л. О духовных завещаниях по русскому гражданскому праву в историческом развитии. Киев, 1894.

Рязанская епархия – Историческое обозрение Рязанской епархии. М., 1820.

Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.

Скрынников Р.Г. Духовное завещание царя Ивана Грозного // ТОДРЛ. Л., 1965. Т. 21. С. 309–318.

Терминологический словарь – Терминологический словарь частных актов Московского государства. Под ред. А.И. Андреева. Пг., 1922.

Уставы – Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.

Федотова М.А. К вопросу о Житии Саввы Вишерского // ТОДРЛ. СПб., 2001. Т. 52. С. 544-560.

Цитович П. Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870.

Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1; М., 1951. Ч. 2.